

И. А. Анфертьев. Особенности преодоления И. В. Сталиным кризисной ситуации в СССР в начале 1930-х гг. / Анфертьев И.А. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.177–182.

И. А. АНФЕРТЬЕВ

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ И. В. СТАЛИНЫМ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ В СССР В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Политический образ И. В. Сталина в том «залакированном» виде, в котором он дошел до наших дней, складывался не всегда гладко. Так, 1930 г. едва не оказался для него роковым. Средств на продолжение индустриализации катастрофически не хватало, что ускорило коллективизацию, привело к массовому обнищанию народа, а затем — к голоду. Современникам генсека, в первую очередь его оппонентам, казалось, что миф о его политической неуязвимости вот-вот будет развеян, к тому имелись все необходимые предпосылки. Но, в отличие от своих соратников и оппонентов, Сталин умел не только предвидеть кризисные явления, но загодя принимать меры для их, если не ликвидации, то подавления.

На протяжении многовековой и многострадальной российской истории руководитель государства с некоторой долей условности можно разделить на две категории. Первым неограниченная власть доставалась легко, по наследству, и рассматривалась ими чуть ли не как обуза и испытание. Вторым приходилось идти к вершинам власти трудно, медленно, преодолевая невероятные интриги, убирая соперников, зачастую преступая моральные нормы.

Последние, а к ним следует отнести и Сталина, освоили искусство особого рода. Любую ситуацию, подчас самую негативную, использовать с максимальной для себя политической выгодой. Вспомним В. И. Ленина, который с горсткой соратников вышел победителем в борьбе с самодержавием, разметал в прах нарождавшиеся буржуазно-демократические институты, не испугался кровавых ужасов гражданской войны, решился на массовый террор, чтобы еще раз доказать, и врагам и соратникам, свое превосходство политического лидера. Сталину было у кого учиться, и он оказался достойным учеником Ленина, возможно, в чем-то даже превзошедшим учителя. Парадоксально, но внутренние кризисы во многом способствовали укреплению режима личной власти Сталина. Преодолевая их, он беспощадно расправлялся с теми, кто стоял у него на пути к безраздельной власти. Иллюстрацией тому — обстоятельства исключения из партии в сентябре 1930 г. Мартемьяна Никитича Рютина¹. О нем опубликовано много работ, но в основном как о создателе в 1932 г. законспирированной группы внутри правящей партии, лидере «Союза марксистов-ленинцев» [1].

Статья Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса» [2, с. 178— 183] в свое время явилась ответом на публикацию, которую он прочел в «Красной звезде» от

16 января 1930 г. [3]. В ней Сталин, отчасти, вскрывал и мотивы, побудившие его взяться за перо: «В № 16 "Красной звезды" в статье "Ликвидация кулачества как класса", в общем бесспорно правильно, имеются две неточности в формулировках. Мне кажется, что необходимо исправить эти неточности. Неназванным автором так не понравившейся Сталину статьи был заместитель ответственного редактора «Красной звезды» М. Н. Рютин. Основной причиной, вызвавшей неудовольствие Сталина, стала политическая позиция последнего. Рютин в статье всего лишь намекнул на необходимость соблюдать принцип постепенности в деле коллективизации, то есть изложил «крестьянский вопрос» так, как трактовали его решения XV съезда партии. Однако Сталин давно уже ревизовал эти решения. И передовая статья «Красной звезды» напоминала о курсе, выработанном XV съездом. Это был хотя и скрытый, но прозрачный намек на отход реальной практики от этого курса.

Несмотря на то что оппоненту Сталина пришлось признать свои «ошибки», допущенные им в газетной статье, суть проводившейся политики в отношении крестьянства была вскрыта весьма точно. Из состоявшейся полемики вытекало, что насильственные методы в процессе коллективизации будут расширены. Такими методами Сталин пытался решить зерновые трудности, обрекая на гибель сотни тысяч крестьян. В дни, когда были опубликованы статьи Рютина и Сталина, из ЦК с каждым днем возрастал нажим на местные органы с требованием ускорить коллективизацию. В передовой статье газеты «Правда» 3 февраля 1930 г. говорилось: «Последняя наметка коллективизации — 75 % бедняцко-среднезажиточных хозяйств в течение 1930/31 года — не является максимальной». В этих условиях Рютин, осмелившийся выступить в печати против Сталина в связи с раскулачиванием крестьянства, предупреждал о пагубности такого курса. Политика сталинской «сплошной коллективизации» вела к массовым репрессиям. Постоянная угроза предъявления любому партийному работнику обвинения в «правом уклоне» толкала многих из них на применение насилия к тем, кто уклонялся от вступления в

колхозы. Лозунг «Лучше перегнуть, чем недогнуть» очень быстро был перенят низовыми руководителями у творцов политики массового «раскулачивания».

В январе 1930 г. Рютин, видимо, окончательно понял, что остановить Сталина невозможно. Долг коммуниста, как его понимал Рютин, толкнул его к действиям, среди которых была и публикация передовой статьи в «Красной звезде». В тот момент у него была только такая возможность предупредить об опасности. Но признание Сталиным в печати собственных ошибок на деле оказалось всего лишь тактическим маневром. Объяснялось это необходимостью срочного укрепления авторитета вождя. Когда Сталин вновь ощутил прочность положения, прежняя политика была им продолжена. Сбив волну недовольства среди крестьянства, массовое раскулачивание и насильственная коллективизация набрали прежние темпы.

Рютина же ждали изменения в служебном положении. Он был выведен из редколлегии «Красной звезды» [4, л. 115]. Очевидно, он понимал, что его стычка со Сталиным вряд ли могла привести к другому результату. Следует отметить, что Рютин решился на борьбу против Сталина еще в мае 1928 г., о чем он признался на первом допросе после ареста в 1932 г. заместителю председателя ОГПУ В. А. Балицкому [5, с. 166—167]. Но тогда, в 1930 г., он был отпущен и назначен председателем Управления фотокинопромышленности ВСНХ СССР [6, л. 51, 90]. В августе 1930 г. Рютин из Москвы уехал отдыхать в Ессентуки, где встречался со своим знакомым А. С. Немовым, руководителем одного из столичных трестов. Вскоре Немов направил в ЦК ВКП(б) заявление, в котором подробно перечислялись «крамольные» высказывания Рютина. Сводились они к тому, что политика правящего ядра в ЦК во главе со Сталиным губительна для страны, что к весне 1931 г. наступит полнейшее банкротство этой политики — никакой формальной оппозиции не будет, но Сталина никто не поддержит. Словом политика «этого шулера и фокусника» Сталина будет разоблачена. Немов утверждал, что Рютин убеждал его быть готовым к тому, чтобы покончить со Сталиным, критиковал доклад Сталина на XVI съезде ВКП(б), считая его «сплошным шулерством и надуватель-

ством пролетариата». По его словам, Сталин ничего не говорил о забастовках, которые имелись в стране из-за тяжелого материального положения рабочего класса, что Сталин издевался над рабочими, когда говорил, что реальная заработная плата повысилась [6, л. 27]. Политика же коллективизации явно провалилась, крестьяне в колхозы не шли, хлеб свой не отдавали, да и партии больше не доверяли. Из разговоров с Рютиным следовало, что в стране наступил финансовый крах [6, л. 28]. После того как Сталина удастся отстранить от власти (как говорил Рютин, «смахнуть»), с его сторонниками будет легко справиться. Таким образом, в стране назревают серьезные события, и нужно подготовить кадры на предприятиях для выступления против нынешнего курса. Рютин советовал работу вести только среди доверенных людей и, учитывая ошибки прошлой оппозиции, только с глазу на глаз. В том случае если кто-либо провалится и выдаст его, то ему следовало отказываться от всяких обвинений.

Заявление А. С. Немова и объяснительная записка М. Н. Рютина были переданы на рассмотрение в ЦК ВКП(б), президиум которой рассматривал их 23 сентября 1930 г. Рютина инкриминировали его критику Сталина. Рютин же объяснил, что о трудном хозяйственном положении говорили вообще, в том числе и о положении в кинообъединении. Относительно Сталина говорил о прошлом, а Немов «перевернул, как в настоящее» [6, л. 45].

5 октября 1930 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было рассмотрено персональное дело М. Н. Рютина, а уже на следующий день в «Правде» появилось постановление Президиума ЦК ВКП(б), в котором говорилось: «За предательски двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием партии, исключить М. Рю-тина из рядов ВКП(б)» [7]. Под заголовком «Правых оппортунистов, предателей партии — вон из наших рядов!» в газете была опубликована редакционная статья, начинающаяся словами: «Постановлением ЦК ВКП(б) исключен из партии Рютин. Исключенный из партии Рютин представляет собой типичный образец двурушника. Будучи секретарем Краснопресненского райкома Рютин совместно с т. Углановым вел фракционную борьбу против ЦК. Он вместе со всей правой оппозицией пытался противопоставить партии и ЦК московскую организацию. Рютин вместе с т. т. Углановым и Бухариным обвинял партию в скатывании к троцкизму. Рютин вместе со всеми правыми боролся против политики индустриализации, против строительства колхозов и совхозов». Эпиграфом к этой статье были слова Сталина: «Невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение» [7]. Недвусмысленно членам партии, всему обществу давалось понять, что время дискуссий осталось в прошлом, наступила пора решительного искоренения инакомыслия. О том, что первый удар будет нанесен по членам партии, ранее предлагавшим коррективы в партийную линию, можно было судить по призыву на развороте: «Разоблачим до конца кулацких агентов, союзников контрреволюционного троцкизма — правых оппортунистов» [7].

Статья явилась лишь прелюдией к дальнейшим репрессиям. В ноябре 1930 г. в райкомы, горкомы и партячейки Московской парторганизации было направлено закрытое письмо Московского обкома ВКП(б) за подписью Л. М. Кагановича. Предписывалось зачитать его на закрытых заседаниях, разработать план мероприятий и в месячный срок доложить практические предложения [8, л. 2—3]. В документе анализировалось положение в московских парторганизациях, давались оценки внутреннего и внешнего положения страны. О причинах исключения Рютина из партии подробно говорилось в разделе «Вопросы внутрипартийной жизни». Однако в предыдущем разделе — «Обострение классово-борьбы и раскрытие контрреволюционных организаций» — видимо, совсем не случайно, утверждалось, что социалистическое строительство «происходило и происходит в обстановке ожесточеннейшей классово-борьбы» [8, л. 9]. В связи с этим за минувшие после XVI съезда месяцы в соответствии с директивой Московского обкома партии была проведена массовая операция по «изъятию из деревни контрреволюционного кулацкого, антисоветского актива» [8, л. 9].

Репрессиям только в одной Московской области подверглись около тысячи человек. В документе отмечается: ликвидированы «кулацкие, повстанческие, эсеровские и террористические группировки, занимавшиеся терактами, поджогами, отравлением скота, распространением слухов о войне» [8, л. 9]. Об обострении классово-борьбы якобы свидетельствовали и планы интервенции, которые вынашивали руководители так называемой Промпартии. «Срок интервенции, — показывал профессор Рамзин, — единодушно намечался на лето 1930-го года. Уже во второй половине 1929 г. стали поступать из-за границы сообщения о невозможности интервенции в 1930 г. и переносе ее на следующий год. В связи с изменением общей обстановки срок интервенции намечался на весну 1931 года» [8, л. 11]. В документе руководителям Промпартии вменялось в вину то, что они по указанию Р. Пуанкаре, поступившему им через С. П. Рябушинского, пытались создать в 1930—1931 гг. экономический кризис для подготовки интервенции. Этому же благоприятствовала борьба троцкистов и правых уклонистов против ВКП(б), поскольку налицо имелось идейное родство между платформами Промпартии, Трудовой крестьянской партии и правых уклонистов. Таким образом, утверждалось в письме, контрреволюционеры идейно сомкнулись с правым уклоном, старались использовать его лидеров в своих целях, «не гнушались и террором, создали террористическую группу, готовившую теракты в дни работы XVI съезда против Сталина, Ворошилова, Куйбышева, Молотова, а также против тт. Менжинского, Ягоды и др.» [8, л. 11].

В разделе «Вопросы внутрипартийной жизни» отмечалось, что «партия разгромила правый уклон как кулацкую агентуру в партии, причем XVI съезд признал взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)» [8, л. 11]. Но уклонисты продолжили атаку на ЦК и ведут ее «подпольно, предательски, обманывая партию, двурушничая, прикрываясь формальным согласием с генеральной линией, наиболее ярко это подтверждается фракционной предательской работой видного правого уклониста, ближайшего соратника Бухарина и Угланова, бывшего секретаря Краснопресненского райкома — М. Н. Рютина. Рютинские оценки политики партии и положения в стране ничем не отличались от оценок меньшевистско-белогвардейской эмиграции» [8, л. 11, 12]. Далее Рютину вменялось в вину намерение «свергнуть руководство партии, возглавляемое т. Сталиным» [8, л. 11].

Ошеломивший публично в печати и не менее публично перед своими теперь уже бывшими товарищами по партии в закрытом письме Московского обкома, М. Н. Рютин был арестован в ноябре 1930 г. На допросах в ОГПУ он отрицал предъявленные ему обвинения. В. Р. Менжинский вынужден был обратиться к И. В. Сталину с просьбой уточнить его дальнейшую судьбу, ссылаясь на то, что Рютин «изображает из себя невинно обиженного» [9, л. 1]. Сталин на записке Менжинского приписал: «Нужно, по-моему, отпустить» [9, л. 1]. 17 января 1931 г. Рютин был освобожден из тюрьмы с твердым намерением продолжить борьбу с человеком, который, по его твердому убеждению, вел страну и партию к неминуемой гибели.

Таким образом, следует признать Сталина политиком, умеющим искусно лавировать в борьбе за власть, загодя выстраивать хитроумные интриги, находить союзников, разыгрывать многоходовые операции, выжидать момент для атаки, отступать, когда того требуют обстоятельства, разыгрывать незаслуженно обиженного, а порой и оскорбленного недоверием руководителя. Ряд историков полагают, что культ личности Сталина начал формироваться в начале 1930-х гг., но в действительности его стремление к собственному возвышению и впоследствии к обожествлению можно обнаружить на десятилетие раньше. Вначале не всем это бросалось в глаза, многие партийцы-руководители списывали эти достаточно тревожные симптомы на неизбежные издержки обострившейся после смерти Ленина борьбы за власть. Однако после разгрома левой, троцкистско-зиновьевской оппозиции и так называемых правых во главе с Бухариным культ личности Сталина приобрел зримые очертания. Это не могло не вызвать протесты в партийной среде, особенно среди тех партийных работников, кто находился в достаточной близости от генсека, чтобы трезво судить о его намерениях.

В итоге Сталина можно характеризовать политическим прагматиком, который в интересах своих политических выгод, ради сохранения власти способствовал распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности в борьбе с противниками Советской власти, которых, как показывает данное исследование, он к тому же сам и назначал. Большинство из тех, кто оказывался по его воле разменными фигурами в политических играх, опускали руки, пасовали, отказываясь от продолжения борьбы. Рютин оказался одним из немногих, кого не устроила предназначенная ему роль жертвы, кто не спасовал перед всемогущим диктатором, а решил продолжить борьбу, но уже не в одиночку, а попытавшись создать подпольную организацию внутри ВКП(б) в 1932 г.

Вместе с тем Рютин своими действиями и в 1930 г., и в 1932 г., своей борьбой против Сталина не столько напугал последнего, сколько спланировал партийно-государственную элиту вокруг вождя. Сталину, для того чтобы не допустить очередной смуты или гражданской войны, достаточно было устранить причины массового недовольства, как это было, скажем, в 1921—1922 гг. Вместо продрозверстки — продналог, некоторая свобода торговли, частичный уход государства из экономики, элементы рыночных отношений. Но этого не произошло в силу того, что власть испытывала то, что называется «комплексом нелегитимности».

В самом деле в 1917—1991 гг. неустойчивость власти, «хрупкое равновесие» между властью и обществом, объясняется не в последнюю очередь тем, что эту власть народ не выбирал. Только на словах власть считалась народной, а ее представители — слугами народа, а на деле «держатели» власти во главе со Сталиным, стремясь упрочить собственные завоевания, укрепить свои властные позиции, вынуждены были идти на любые по тяжести преступления, формирование на государственном уровне механизмов оболванивания и массового обнищания народных масс, чтобы привести их к покорности. А это, в свою очередь, не могло не вызывать явного или скрытого, зачастую молчаливого протеста. Получался замкнутый круг: чем больше власть подавляла недовольство, а не устраняла причины его возникновения, тем больше это недовольство накапливалось. И рано или поздно этот конфликт между властью и народом должен был разрешиться, что, как видим, и произошло в августе 1991 г.

Рютин пытался создать широкую оппозицию не партийной и государственной власти, за упрочение которой он боролся на фронтах Гражданской войны и в последующие годы, занимая довольно высокие номенклатурные посты, а режиму личной власти Сталина. И опереться при этом он попытался не на антибольшевистские элементы, а на широкую партийную общественность. Методы работы организаторов «Союза марксистов-ленинцев», пытавшихся нелегальным путем противостоять режиму личной власти Сталина, не отличались оригинальностью, они были заимствованы из прежней дореволюционной практики, а также приемов и способов ведения оппозиционной борьбы 1920—1930-х гг.

Деятельность М. Н. Рютина, пришедшаяся на период смены методов борьбы укрепившего личную власть И. В. Сталина с оппозиционными элементами, во многом повлияла на масштабы репрессий 1936—1939 гг. Между тем участники группы Рютина придерживались в основном традиционных марксистско-ленинских рецептов выхода из кризиса 1932 г. Очевидно, что в тех условиях попытка объединить противников генсека с целью сместить его с поста руководителя партии и государства не имела перспектив. Возникновение «Союза марксистов-ленинцев» было обусловлено, с одной стороны, попыткой продолжить оппозиционную борьбу с учетом новых политических реалий, а с другой — кризисом, наметившимся в стране в 1930—1932 гг. Участники группы были арестованы до их оформления в организацию, на стадии подготовки программных документов. У группы не было ни устава, ни программы, ни членских билетов. Не входили члены группы и в состав каких-либо антисоветских или антигосударственных организаций или тем более — террористических центров. Их деятельность была пресечена на стадии изложения намерений о желательности смены партийного и государственного руководства, а соответственно и реализуемого им политического курса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфертьев И. А.* Рютин против Сталина // Смерч. М. : Изд-во ДОСААФ, 1988. С. 340—389; *Анфертьев И. А.* Рютин против Сталина // Возвращенные имена. Сб. ст.: в 2 кн. М. : Изд-во Агент. печати «Новости», 1989. Кн. 2. С. 177—202; *Анфертьев И. А.* Рютин против Сталина // Российский ежегодник-89. Вып. 1. М. : Советская Россия, 1989. С. 160—172; *Анфертьев И. А.* Две «беседы» с профессором В. Н. Слепковым // Исторический архив. 2003. № 5. С. 62—92; *Анфертьев И. А.* М. Н. Рютин — инициатор создания «Союза марксистов-ленинцев» // Клио. 2003. № 3. С. 215—232; *Анфертьев И. А.* Политическая деятельность М. Н. Рютина и его участие в московской «внутрипартийной драке» в 1928 г. // Клио. 2004. № 3. С. 44—54; *Анфертьев И. А.* Деятельность М. Н. Рютина против режима И. В. Сталина // Клио. 2004. № 4. С. 33—45; *Анфертьев И. А.* Попытки нелегальной борьбы М. Н. Рютина с режимом И. В. Сталина (1932 г.) // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу

- «Клио». Вып. № 3. СПб. : Нестор, 2004. С. 425—461; *Анфертьев И. А.* «Дело М. Н. Рютина» в судьбе Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева // Исторический архив. 2006. № 1. С. 64—94; № 2. С. 11—32; № 3. С. 14—39; *Анфертьев И. А.* Неудачная попытка отстранения И. В. Сталина от власти в 1932 г. // История Отечества. Размышления и исследования. СПб., 2007. С. 271—298.
2. *Сталин И. В.* К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса / И. В. Сталин // Соч.: в 13 т. М. : Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина, 1946. Т. 12. С. 178—183.
3. *Рютин М. Н.* Ликвидация кулачества как класса / М. Н. Рютин // Красная звезда. 1930. 16 янв.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС, 1898, 1903—1991 гг.). Оп. 113. Д. 829.
5. *Старков Б. А.* Дело Рютина / Б. А. Старков // Они не молчали (о сопротивлении в годы культа личности Сталина: сб. ст. / сост. А. В. Афанасьев. М. : Политиздат, 1991. 446 с.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823.
7. Постановление Президиума ЦК ВКП (б) от 6 октября 1930 г. // Правда. 1930. 6 окт.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 97.
9. РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин Иосиф Виссарионович, 1878—1953 гг.). Оп. 1. Д. 5282.

SUMMARY

The article is devoted to the problem of mutual relations in the party device of the Central Committee in 30th. The question on formation of opposition in ruling party elite is in detail considered. On an example «Rutin's case» is revealed weak and strengths in a management of the country. The question on activity «the Union marksistov-lenintsev», arisen in 1930th in connection with the outlined crisis in the camp. Nevertheless, the rod idea of the article is the statement, that in conditions of 30th an attempt to unite opponents of the secretary general on purpose to displace his from the post of the head of party and the state had no prospects.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.